

VI.

О БЫТІИ БОЖІЕМЪ.

Дабы намъ при изслѣдованіи сего предмета не заблудиться въ области привлекательныхъ для воображенія, но непипательныхъ для сердца умозрѣній, и дабы не обольстипься ложнымъ свѣтомъ земнаго мудрованія; должно намъ избрать такой путь, который будучи удаленъ отъ всѣхъ разпущій лжи, могъ бы прямо привести насъ къ тому живому убѣжденію въ бытіи Божіемъ, которое, возрасшая вмѣстѣ съ образованіемъ сердца, сполькоже непоколебимо, сколь непоколебимы основанія истины, и спольже непреложно, сколь непреложень самъ Богъ.

Сообразно сему, мы должны 1) исторически объяснить, какимъ образомъ вѣра въ бытіе Божіе содѣлалась всеобщею и постоянною; потомъ 2) философски разсмотрѣть силу и достоинство различныхъ способовъ убѣжденія въ бытіи Божіемъ; наконецъ 3) предложить дѣйствительнѣйшіе практическіе спо-

собы удостовѣренія въ сей истинѣ, и надежнѣйшее средство къ предохраненію себя отъ невѣрія.

I.

Какимъ образомъ вѣра въ бытіе Божіе содѣлалась всербицею и неизмѣняемою?

Происхожденіе вопроса,

1. Мы имѣемъ идею о Богѣ,

Бога представляемъ мы а) существомъ самосущимъ, находящимся внѣ и превыше насъ; б) существомъ первымъ, которое не зависитъ ни отъ какого другаго существа; в) существомъ со всѣми возможными совершенствами въ высочайшей степени; а по сему такимъ существомъ, которое г) есть высочайшій и чистѣйшій Духъ, д) источникъ всякаго бытія и всякаго познанія. Такимъ образомъ Богъ, по нашему понятію, есть существо вѣчное, всесовершенное и духовное.

2. Изъ всѣхъ тварей земныхъ, мы одни находимъ въ себѣ ясныя слѣды понятія о

Богъ; ибо животныя хоща обнаруживаютъ въ себѣ нѣчто подобное разсудку, но не обнаруживаютъ ничего такого, чѣмъ сходно было съ Религіею. Въ прочихъ низшихъ тваряхъ еще менѣе можно предполагать какое либо понятіе о Богѣ.

3. Мы и всѣ прочіе люди вѣримъ, что понятіе наше о Богѣ не есть пустое понятіе, и что внѣ насъ дѣйствительно есть существо вѣчное, всевѣдущее, всемогущее и пр.

4. Мы и весь родъ человѣческій имѣемъ столь твердую, по крайней мѣрѣ теоретически, вѣру въ бытіе существа всесовершеннаго, что доколѣ живемъ въ семъ мірѣ, никакъ не можемъ обойтись безъ оной. Большая часть людей совсѣмъ неспособна къ сомнѣнію о истинѣ бытія Божія; а лучшая часть рода человѣческаго всегда стыдилась сего сомнѣнія, и будетъ стыдиться онаго.

5. Отсюда рождается вопросъ: какимъ образомъ мы и всѣ прочіе люди дошли до

сей всеобщей и неизмѣняемой вѣры въ бытіе Божіе?

РАЗРѢШЕНІЕ ВОПРОСА.

Между всѣми, какъ древними, такъ и новыми народами усмащривающіяся преданія (ученіе, передаваемое опъ одного другому) о томъ, что Богъ сущесшвуешъ, и что Онъ опскрылъ себя человѣку. Изъ сихъ преданій особенно замѣчательны Іудейское и Христіанское.

Произходя опъ Христіанскихъ родищелей, мы всѣ съ самыхъ юныхъ лѣтъ научены вѣрѣ въ бытіе Божіе. Христіанское ученіе естъ ближайшая причина того, что мы вѣримъ сему бытію. А посему наша вѣра въ Бога первоначально естъ вѣра по преданію.

Но поелику мы, достигши зрѣлыхъ лѣтъ, весьма часшо и весьма многое опвергаемъ изъ того, чему научили насъ въ юности; то опсюда самъ собою раждается вопросъ: почему мы осшаемся всегда поспоянными

въ вѣрѣ бытію Божію? Чѣмъ утверждаетъ насъ въ сей вѣрѣ?

Въ сей вѣрѣ во первыхъ и преимущественно утверждаетъ насъ никогда немолкающій гласъ совѣсти, которая, со времени пробужденія въ душѣ нашей разсудка, именемъ Существа высочайшаго внушаетъ намъ доброе и отвращаетъ насъ отъ худаго; одобряетъ и осуждаетъ наши поступки, награждаетъ насъ и наказываетъ. Внутреннее невольное сознаніе добра и зла, радость, слѣдующая за совершеніемъ перваго, стыдъ и раскаяніе, неразрывно соединенныя съ послѣднимъ; взглядъ на пресупника, который въ самомъ себѣ носитъ источникъ своего мученія, и представленіе непоколебимаго благодущія, коимъ всегда исполненъ добродѣтельный; все сіе невольно убѣждаетъ насъ въ бытіи Святѣйшаго Существа, именемъ коего вѣщаетъ намъ совѣсть. Способъ, коимъ люди обрѣтаютъ Бога въ своей совѣсти, многоразличенъ. Но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Богобоязненный человѣкъ, если не научается своею совѣстію вѣрѣ бытію Божію, то по крайней

мѣръ получаетъ отъ нее значительное подкрѣпленіе своей вѣры въ Бога.

По сей—то причинѣ совѣсть, по мнѣнію древнихъ, есть не что иное, какъ Богъ внутри насъ. Липсій, который со всѣмъ вниманіемъ изслѣдовалъ лучшія произведенія древнихъ писателей, не могъ дать лучшаго опредѣленія совѣсти, какъ назвавъ оную *последнею искрою здраваго ума въ человѣкѣ, указателемъ и судією добрыхъ и худыхъ поступковъ, пегальнымъ представленіемъ оскорбленія, нанесеннаго Божеству*. Въ самомъ дѣлѣ совѣсть есть ошашокъ Божественнаго свѣта, нѣкогда сіявшаго въ человѣкѣ; есть слѣдствіе присущствія въ нашемъ сердцѣ высшаго Существа, которое самымъ присущствіемъ своимъ научаетъ отличать добро отъ зла; есть прискорбное сознаніе нарушенія или неправильнаго исполненія должностей въ отношеніи къ Богу. Ибо, еслили она наказываетъ зло, то въ особенноти наказываетъ небреженіе о Богѣ; еслили награждаетъ добро, то преимущественно награждаетъ благоговѣніе къ Божеству, такъ какъ бы зло и забве-

ніе Бога,—добро и Богобоязненность были, какъ и въ самомъ дѣлѣ сущь, одно и тоже.

Сенека, которъй при взглядѣ на смутность и превратность своего времени часто терялъ изъ виду Божество, снова нашелъ его, когда началъ искать въ числой совѣсти. Надобно думать, что онъ сильно былъ проникнутъ ощущеніемъ Божества въ своей совѣсти, когда со всемъ воспоргомъ истиннаго убѣжденія писалъ къ своему другу. *Богъ близъ тебя; Онъ съ тобою и внутри тебя. Такъ, любезный Люцилій, святой духъ обитаетъ въ каждомъ изъ насъ, наблюдая за всѣми нашими поступками, какъ благими, такъ и злыми. Его обхожденіе съ нами всегда соотвѣтствуетъ нашему обхожденію съ нимъ. Безъ Бога никто не можетъ содѣлаться добродѣтельнымъ. Какимъ бы образомъ слабый теломъ могъ вознестись надъ превратностію судьбы, если бы не былъ поддерживаемъ Божественною силою? Единъ Богъ вдыхаетъ высокія мысли и святыя чувства*

ванія. Въ каждомъ добродѣтельномъ телѣ,
вѣкъ обитаетъ Богъ. *)

По сему—по на нашемъ языкѣ, который болѣе заключаетъ въ себѣ истинно Философскаго духа, нежели сколько содержишься онаго въ сочиненіяхъ многихъ Философовъ, человѣкъ въ высшей степени развращенный называется *безбожнымъ*, въ томъ увѣреніи, что живущій безъ Бога по необходимости живетъ безъ добродѣтели, въ области порока. Еще не было ни одного добродѣтельнаго человѣка, который могъ бы сказать, что нѣтъ Бога.

Весьма достопримѣчательно, что люди не согласуясь между собою въ своихъ сисстемахъ, посредствомъ коихъ они сіялись раскрыть тайну Божества, снова сходясь въ совѣсти, не смотря на то, что она представляетъ тайну Божества какъ бы сокрытою, въ служеніи Ему. По сему совѣсти въ семъ отношеніи можно назвать почкою соединенія всѣхъ системъ, и какъ

*) Epist. 41.

между судами человѣческими, шѣ, изъ коихъ нельзя переносить дѣла въ высшій судъ, называющіяся рѣшительными и окончательными; такъ равнымъ образомъ высшій и окончательный судъ человѣческаго долженъ имѣть мѣсто въ совѣсти. Всѣ ученые, по глубокому замѣчанію одного Философа, въ семъ отношеніи раздѣляющіяся на два класса: одни лучше соглашающіяся погрѣшить въ чемъ либо прошивъ правилъ системы, нежели нарушивъ уваженіе къ высшему судилищу совѣсти; другіе охотнѣе грѣшатъ прошивъ успава совѣсти, нежели прошивъ законовъ системы. Благо шѣмъ, кои свободѣ мышленія не позволяють простираеться до сего сумасбродства!

Во вѣкорныхъ вѣра въ бытіе Божіе получаетъ подкрѣпленіе изъ разсмаприванія природы, изъ представленія порядка, красоты и посшоянства въ ней господствующихъ, изъ углубленія въ духъ и ходъ великихъ событийъ естественныхъ.

Естьли разсудокъ нашъ здоровъ, естьли сердце наше чисто; шо мы въ порядкѣ мі-

ра усмаприваемъ высочайшій разумъ (Бога), въ красотѣ міра — высочайшее изящество (Бога), въ посполянствѣ сего порядка и сей красоты — вѣчностъ (Бога). Кпо внималь гласу Божію внутрь себя, шопъ весьма удобно можешъ примѣчать слѣды Божества и внѣ себя — въ природѣ. Свѣпила на небѣ и цвѣпы на землѣ свидѣтельствують о шомъ же Богѣ, о коемъ проповѣдуешъ совѣшъ. А по сему кпо имѣешъ правильный взглядъ на природу, шопъ весьма удобно посредствомъ его можешъ укрѣпляшъся въ вѣрѣ бышію Божію.

Опытъ научаешъ, что идея Божества, бывъ изгнана изъ сердца слѣпыми умозрѣніями, снова исполняешъ и проникаешъ душу, коль скоро обращающъ чистый взоръ ума на природу. Сюда принадлежишъ прекрасное изреченіе одного Писателя: „Два „предмета исполняющъ духъ нашъ шѣмъ жи- „вѣйшимъ изумленіемъ, чѣмъ чаще и внимательнѣе занимающъся ими: звѣздное небо надъ нами, и нравственный законъ внутри насъ.“

Въ прѣшнихъ вѣра въ Бога подкрѣпляется тѣмъ непрерываемымъ уваженіемъ, которое мы обязаны имѣть ко всеобщему смыслу рода человѣческаго, и которое въ семь случаѣ тѣмъ сильнѣе проникаетъ наше сердце, чѣмъ прилѣжнѣе размышляемъ, что вѣра въ Бога существовала во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, между тѣмъ какъ множество самодѣльныхъ мнѣній человѣческихъ рукою времени давно уничтожено и нынѣ уничтожается. Время, утверждающее приговоры здраваго смысла естественнаго, давно уже засвидѣтельствовало, что вѣра въ Бога не только есть внутреннеіе природы, но и первѣйшее изъ внутреннихъ ея.

По сему каждый человѣкъ, вѣрующій въ бытіе Божіе, есть для насъ новый свидѣтель, что Богъ существуетъ. Какъ образъ человѣка ручается въ немъ за то, что онъ человѣкъ; такъ вѣра въ Бога ручается за то, что вѣришь въ бытіе Божіе, значить быть разумнымъ существомъ.

Никто, говоритъ Сенека, не обманывается

всѣхъ, и никого не обманываютъ всѣ. А по словамъ Цицерона, нѣтъ ни одного народа столь грубаго, который, при взглядѣ на небо, не призналъ бы существа верховнаго.

Гласъ общаго человѣческаго смысла касательно бытія Божія столь громокъ, что многіе не могли предсказать даже возможности сдѣлаться кому либо апейсмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждый человѣкъ, въ комъ шокмо пробудился собственный разумокъ, не можетъ не слышать внутри себя сего гласа. Вообще всѣ приговоры нашего разсудка суть шокмо опголоски сего гласа. Ибо всякое сужденіе ума вѣрно не пошому, что такъ судитъ Европейецъ или Негръ, Нѣмецъ или Гошпеншопъ; но пошому, что такъ долженъ судитъ здравый и неприспасный разумокъ, въ комъ бы онъ ни находился, во мнѣ, въ тебѣ или въ другомъ. Разумъ судитъ правильно не пошому, что онъ мой или твой разумъ; но пошому, что онъ разумъ.

Въ четвертыхъ, вѣра въ Бога укрѣпляетъ

ся вѣрою древней Исторіи, въ коей повѣствуется о высочайшемъ Существѣ, сошворившемъ міръ и первыхъ двухъ человѣковъ, отъ коихъ произошелъ весь родъ человѣческій. Въ зеркаль сей Исторіи мы видимъ, какъ Богъ является первымъ человѣкамъ, бесѣдуетъ съ ними, даетъ имъ законъ, угрожаетъ и наказываетъ за неисполненіе онаго.

По свидѣтельствъ сей Исторіи вѣра въ бытіе Божіе первоначально была вѣра положительная. Прежде было опкровеніе, обѣщаніе, заповѣдь, попомъ уже вѣра, упованіе, повиновеніе. Вѣра получила начало отъ Исторіи, Исторія должна питать ее. Надобно быть слишкомъ заняту пустыми мудрованіями, чшобы опвергать досповѣрность древней Исторіи, и вмѣстѣ съ нею досповѣрность вѣры въ бытіе Божіе.

Глубокіе изслѣдователи Писаній Ветхаго Завета, которые опличаются вмѣстѣ и глубокимъ чувствомъ къ Религіи, единодушно оптверждаютъ, что плодомъ ихъ многотрудныхъ изслѣдованій есть слѣдующая ис-

стина: за что бы ни были принимаемы Писанія Ветхаго Заѣша, за простую ли Историю, или за Символы Божественнаго наставленія, или за то и другое вмѣстѣ; впрочемъ то несомнѣнно, что какъ Исторія, онѣ носятъ печать простоты, какъ Символы — печать всеобщности, какъ Исторія вмѣстѣ и Символы — печать Божественнаго опкровенія о Томъ, который былъ, есть и будетъ.

Истина сія совершенно оправдывается Исторіею міра. Древле существовалъ и нынѣ существуетъ Іудейскій народъ, который будучи разсѣянъ между всѣми народами, всюду проносилъ и нынѣ проноситъ познаніе единого Бога. Не смотря на то, что ковчегъ заѣша поперянь симъ народомъ, сокровище, въ немъ хранившееся, оспалось цѣлымъ и донынѣ имѣетъ всю цѣну въ очахъ истиннаго любителя.

Такимъ образомъ народъ Іудейскій служишь живымъ доказательствомъ, что древняя Исторія истинна, и вѣра въ бышіе Божіе не есть человѣческій вымысль.

Въ пятыхъ, вѣра въ бытіе Божіе у-
тверждается Исторією основанія Христіан-
ской Религіи и ея благошворнаго дѣйствія
на человѣчество.

Здравый и безпристрастный разумъ
никакъ не можетъ сомнѣваться въ досто-
вѣрности Евангелія. — Основная истина
Христіанскаго откровенія, что Богъ от-
крылъ Себя во Христѣ, какъ вѣчную лю-
бовь, столько соотвѣтственна существен-
нымъ потребностямъ нашего духа, что на-
ше сердце, внимая гласу откровенія, не
можетъ не опознаваться на него искреннимъ
признаніемъ, что Богъ по необходимости
есть любовь. Но какъ скоро сердце прак-
тически утверждаетъ, что Богъ есть лю-
бовь, то разумъ уже утверждаетъ теоре-
тически, что если Богъ есть любовь; то,
послику любовь существуетъ, существуетъ
и Богъ.

Самый рядъ благовѣстниковъ Слова Бо-
жія, никогда не прерывающійся въ церкви
Христовой, что другое значить, какъ не
всегдашнее, живое свидѣтельство, что Богъ

есть любовь, что любовь существует и существует Богъ?

Въ шесныхъ, весьма многіе люди укрѣпляются въ вѣрѣ бытію Божію удивительными приключеніями своей жизни, въ коихъ они не могутъ не узнавать высшей десницы. Событія съ ними случающіяся, суть для нихъ какъ бы кольца единой великой цѣпи, а сила, коею содержишься сія цѣпь, есть для нихъ — Богъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не узнавать десницы Божіей въ разнообразныхъ приключеніяхъ своей жизни, значить имѣть самое шупое зрѣніе; не стараться узнать оную, значить не имѣть чувства для высокаго; узнавъ не благоговѣть предъ нею, значить имѣть сердце ожесточенное во злѣ, для котораго все равно, существуетъ или не существуетъ высочайшій Судія дѣяній человѣческихъ.

Между удивительными приключеніями, возбуждающими и укрѣпляющими вѣру въ бытіе невидимаго вседѣйствующаго Существа, преимущественное мѣсто принадлежитъ мо-

лишвеннымъ опышамъ, въ копорыхъ мы бываемъ услышаны Богомъ, и копорые по тому самому, что они опышы, не подвержены никакому сомнѣнію.

Наконецъ вѣра въ Бога въ людяхъ добродѣтельныхъ ушверждается блаженнымъ содружествомъ съ Богомъ и ощущеніемъ въ себѣ Божественной жизни. Сіе дружество съ Богомъ служишь для нихъ самымъ вѣрнымъ залогомъ того, что ихъ другъ существуешь. Какъ тошъ, кто всегда наслаждается свѣтомъ солнечнымъ, не можетъ сомнѣваться въ существованіи солнца: такъ тошъ, кто дышетъ духовною любовію, не можетъ не быть увѣреннымъ въ существованіи первообразной любви — Бога. Находя *Божественное* въ самихъ себѣ, они не могутъ не допустить Божества внѣ и превыше себя. —

Такимъ-то образомъ вѣра въ бышіе Божіе содѣлалась всеобщею и неизмѣняемою.

Изслѣдованіе достоинства и силы различныхъ образовъ убѣжденія въ бытіи Божіемъ.

Для такъ называемаго общаго смысла, кошорый незнакомъ ни съ какимъ искуспвеннымъ образованіемъ, обыкновеннымъ испочникомъ доказашельсхва бытія Божія служить простое разсмащриваніе природы.

Напрошивъ умъ образованный науками въ продолженіи многихъ вѣковъ прудился, и донынѣ не пересшаешъ прудиться надъ шѣмъ, чшобы вѣру въ бытіе Божіе возвесць на степень познанія, и пому, чшо служить основаніемъ для сей вѣры, сообщивъ видъ спрогого доказашельсхва, или, говоря ученымъ языкомъ, доказашъ аподиктически—очевиднымъ образомъ—чшо Богъ сущесшвуешъ.

А посему мы, при оцѣнкѣ различныхъ образовъ убѣжденія въ истинѣ бытія Божія, должны обрашивъ вниманіе какъ на шопѣ пущъ, коимъ общій смыслъ доходитъ до вѣры въ Бога, такъ и на шѣ опылы, кошо-

рые умъ образованный донынѣ дѣлалъ для увѣренія себя въ бытіи Существа всесовершеннаго.

а. Изслѣдованіе познанія о Богѣ, которое общимъ смысломъ заимствуется изъ разсмащриванія природы.

Въ составѣ сего познанія входящъ частію извѣстныя начала, частію, правильно выведенныя изъ оныхъ, слѣдствія. Мы изобразимъ подробно шѣ и другія.

Извѣстныя начала.

I. Никто не можетъ доказать, чтобы въ огромной машинѣ міра находилась хотя одна пружина, которая бы своимъ бытіемъ одолжена была самой себѣ.—

II. Природа, разсмащриваемая какъ изящное произведеніе, несравненно превосходнѣе того, что было первымъ плодомъ изящныхъ искусствъ. Малѣйшій цвѣшокъ на полѣ представляетъ для образованнаго вкуса гораздо болѣе богатства въ искусствѣ, нежели дра-

гоцѣнныя шкани, украшающія чертоги царей. Какимъ бы великимъ художникомъ ни была нарисована роза, она всегда будетъ ниже розы, произведенной рукою природы. Самое совершенство искусственныхъ произведеній состоишь въ ихъ близости къ природѣ, такъ что тамъ исчезаетъ вся прелесть кисти и рѣзца, гдѣ они удаляющся отъ природы. Природа всегда остается подлинникомъ, гораздо совершеннѣйшимъ всѣхъ списковъ съ нея.

Самое высокое выраженіе чувства Религіи въ статуяхъ, картинахъ и повѣскахъ гораздо ниже выраженія сего чувства въ человѣкѣ, проникнутомъ Религіею.

III. Ни одинъ человѣкъ, елики только онъ не ослѣпленъ пустыми умозрѣніями или чувствительностію, при взглядѣ на цвѣтущее дерево, не можетъ утверждать, чтобы цвѣты, коими оно украшено, были слѣдствіемъ изобрѣтательной силы и свободного искусства, коими одарено сіе дерево.

Замѣчая гдѣ либо порядокъ, мы вмѣстѣ

съ симъ естесствено мыслимъ о распоря-
дигелѣ, и представляемъ его опличнымъ
опъ шого, чпо имъ приведено въ порядокъ.
Таковый ходъ мышленія споль естесственъ
нашему уму, чпо прошивнаго мы не можемъ
ясно и предспавишь.—

IV. Еспъли общій смыслъ о цѣломъ мірѣ
судипъ по шѣмъ же законамъ, по коимъ
онъ судипъ о произведеніяхъ искусствъ; шо
онъ по необходимости вспрѣчается съ мыс-
лію о высочайшемъ Сущесствѣ. Гдѣ высо-
чайшій порядокъ, тамъ высочайшій умъ. Гдѣ
изящное, тамъ изящесство.—Сей образъ мыш-
ленія также естесственъ, какъ и слѣдую-
щій: *дважды два — четыре.*

V. Еспъли общій смыслъ дѣйспвишельно
вѣришь въ бышіе Бога; шо онъ въ сей вѣрѣ
находитъ для себя успокоеніе. Истина бы-
пія Божія служишь тогда для него средо-
шчіемъ, изъ кошораго, подобно лучамъ, вы-
ходятъ, и въ кошорое возвращаются всѣ
прочія истины. Какимъ бы образомъ ни пред-
спавлялъ онъ сложность сущесствъ, соспав-
ляющихъ міръ—въ видѣ ли лѣспвицы, или

въ видѣ цѣпи: у него есть постоянное основаніе, на коемъ утверждается сія лѣсп-
вица; есть мощная десница, копорая содер-
житъ сію цѣпь. Сіе основаніе, сія десница
есть—Богъ.

VI. Если общій смыслъ раскрытъ въ
комъ либо посредствомъ воснипанія, если
такой человекъ съ юныхъ лѣтъ былъ до-
вольно упражняемъ въ исполненіи правилъ
добродѣтели, а особливо если онъ имѣетъ
чистое расположеніе воздавать познаваемо-
му имъ божеству честь, ему принадлежа-
щую: то онъ при разсмаприваніи порядка,
красоты и постоянства, господствующихъ
въ природѣ, весьма удобно можетъ видѣть
невидимыя совершенства Божіи, Его прис-
носущную силу и божество.—

VII. Напротивъ, если разсудокъ зара-
женъ духомъ пыщливости и упонченныхъ
изысканій; то онъ весьма удобно подвергаетъ
опасности потерять изъ виду божество,
являющее себя въ зеркалъ природы. Исто-
рія просвѣщенія представляетъ на сіе мно-
гіе примѣры... Многіе изыскали приро-

ды, не умѣвшіе удержашь себя въ предѣлахъ здраваго изслѣдованія, во всеобщемъ движеніи существъ не узнали перваго Движителя, и, такъ сказать, среди океана жизни не нашли источника жизни.—

VIII. Подобнымъ образомъ, для разсудка, при развращенной волѣ порабощеннаго спрашьямъ, весьма прудно, а при извѣспныхъ обстоятельспвахъ, даже невозможно находить слѣдовъ Божеспва въ природѣ. Для хищника несносенъ свѣшъ въ шомъ домѣ, копорый онъ намѣренъ въ слѣдующую ночь ограбить: для сердца, преданнаго спрашьямъ, нестерпимо сіяніе Божеспва, опкрывающее глубину зла, въ немъ живущаго.

IX. Впрочемъ еспьяли мы и познаемъ Бога изъ природы; то сущность сего познанія состоиптъ болѣе въ признаніи бытія Божія, нежели въ дѣйспвительномъ познаніи Его сущеспва. Мы видимъ въ зеркалѣ природы однѣ явленія, свидѣтельспвующія о великомъ дѣйспвовашелѣ; а самый дѣйспвовашель для насъ невидимъ.—

Х. Общій смыслъ представляеть себѣ Бога святымъ и правосуднымъ сущесвомъ; впрочемъ понятія святости и справедливости заимствованы имъ не изъ чувственной природы, но или изъ преданія, или, если онъ въ комъ либо довольно раскрытъ, изъ внушенія совѣсти и сознанія того преимуществва, которое духъ имѣеть предъ тѣломъ. Мы осмѣливаемся сказать, что самое понятіе порядка и красоты заимствуется общимъ смысломъ болѣе изъ себя самаго, нежели изъ внѣшней природы.

Слѣдствія изъ сихъ началъ.

Если общій смыслъ:

а) посредствомъ упражненія довольно приученъ къ правильному умозаключенію, и особенно если онъ, посредствомъ наставленія или обхожденія съ добродѣтельными людьми, сдѣлался въ комъ либо довольно внимателенъ къ истинѣ бытія Божія;

б) если онъ судить о всемъ мірѣ по тѣмъ же законамъ, по коимъ онъ привыкъ

и принужденъ судить о произведеніяхъ чело-
вѣческаго искусства;

в) если приспастіе къ упомянутымъ
изысканіямъ и опасное вниманіе обаятель-
ному гласу невѣрія, не совратило его съ
прямаго пути здраваго изслѣдованія;

г) если никакая спастіе не прейяп-
ствуешь ему усмремлять постоянное вни-
маніе на природу, никакое тайное желаніе
предаваться порокамъ не располагаетъ на-
ходить бытія Существа всесовершеннаго
невѣроятнымъ; наконецъ

д) если онъ посредствомъ упражненія
въ исполненіи законовъ добродѣтели, содѣ-
лался способнымъ воздавать Богу честь,
Ему принадлежащую, то есть, прославлять
имя Его покорностію Его святой воли: то,
при сихъ условіяхъ, ему весьма удобно въ
порядкѣ и красотѣ природы, особенно въ
послѣдствіи сего порядка и сей красоты,
находить слѣды высочайшаго Существа и
по нимъ доходить до вѣры въ бытіе Бо-
жіе. Впрочемъ

е) таковая вѣра не можетъ совершенно удовлетворить стремленію познавать Бога, какъ вѣчное и всесовершенное Существо, какъ источникъ всякаго познанія.

ж) Вообще простое разсмаприваніе природы не можетъ служить доспапочною защипою для челоѡка опъ сомнѣній, вымышляемыхъ упонченнымъ умомъ, и опъ коварнаго нападенія со спороны спрасшей. ~

Слѣдствія сіи, какъ по содержанію, такъ и по образу ихъ вывода, также вѣрны, какъ и начала, служація для нихъ основаніемъ.

И такъ познаніе Бога, заимствуемое общимъ смысломъ изъ природы, есть

а) по своему произхожденію, весьма условно и сопряжено со многими предположеніями;

б) весьма несовершенно, а) по предмету познанія; ибо оно есть болѣе признаніе бытія Божія, нежели познаніе существа Бо-

жественнаго; в) по образу познанія; ибо оно есть болѣе гаданіе, нежели ясное познаніе; и с) по своему продолженію.

в) И по началу, и по содержанію, и по образу познанія и по продолженію совершенно зависимо отъ дѣйствія совѣсти, и можетъ быть гораздо зависимѣе, нежели какъ по обыкновенно полагають. Прямой взглядъ на природу возможенъ токмо для прямой совѣсти, и точности сужденій ума, ищущаго Божества въ природѣ, зависить отъ точности, съ которою сердце слѣдуетъ внушеніямъ добродѣтели. Только вѣрность гласу совѣсти можетъ произвести въ насъ свящую рѣшимость воздавать познаваемому нами Божеству славу и благодареніе, Ему подобающія. Только сія вождѣльная вѣрность можетъ обуздать нашъ разсудокъ, который подобно необузданному коню спремился на поле суешныхъ умозрѣній.

Истина сія весьма извѣстна была и древнимъ. На подножіи Юпитера Олимпійскаго

изображены были слѣдующія замѣчательныя слова, сохраненныя Плапономъ:

„Я могу бытъ познанъ токмо шѣмъ,
кто желаетъ бытъ мнѣ подобнымъ.“

А на подножіи Паллады была слѣдующая надпись:

„Боги дають себя познавать сердцу, и сокрываются опъ шѣхъ, кои
сильяся обнятъ ихъ умомъ.“

Исторія міра постоянно свидѣтельствуетъ, что великолѣпное зрѣлище природы всегда производило глубокое впечатлѣніе во всѣхъ шѣхъ, кои способны были узнавать во временномъ вѣчное, въ конечномъ безконечное, въ естественномъ божественное. Греки и Римляне, Іудеи и язычники, Опцы Церкви и Философы, Пророки и мудрецы древнихъ народовъ, — знаменитыя лица всѣхъ временъ, мѣспъ и Религій оставили намъ касательно сего предмета множество единогласныхъ свидѣтельствъ. Приведемъ нѣкошорыя изъ нихъ, безъ опъ

ношенія къ ихъ божественному или чело-
вѣческому достоинству. —

Филонъ и Цицеронъ.

„Всякое произведеніе искусства свидѣтель-
ствуетъ о своемъ творцѣ. Ибо кто, визи-
рая на спашую или карпину, не мыслитъ
въ тоже время о ваятелѣ или живописцѣ?
Кто, при взглядѣ на хорошо устроенный
корабль или домъ, не представляетъ въ
умѣ строителя? Если бы кто вошелъ
въ первый разъ въ какой нибудь городъ, и
замѣтилъ въ немъ повсемѣстное повино-
веніе законамъ: не долженъ ли онъ при семъ
получить ту мысль, что сей городъ нахо-
дится подъ управленіемъ мудраго началь-
ства? Подобнымъ образомъ пошъ, кто на-
ходится въ мірѣ, въ семъ огромномъ и ве-
ликолѣпномъ городѣ, и усматриваетъ во
всемъ теченіи вещей неизмѣняемый поряд-
окъ и согласіе, можетъ ли не допустить
бытіе Творца и Промыслителя міра *)?“

*) Филонъ, пер. книга о Монархіи.

„Взирая на спашую или карпину, мы пошчасъ ушверждаемъ, что надъ ними шрудилась рука художника. Усмашривая въ да-лекѣ плывущій корабль, мы не сомнѣваемся, что имъ управляетъ разумное существо. Смошря на солнечные или песочные часы, мы не можемъ согласишья, чтобы они были произведеніемъ случая, а не искусствва. Ештли же шакъ; по согласно ли съ здра-вымъ умомъ не признавашъ Божештвеннаго промысла въ мірѣ, кошорый своимъ разно-образіемъ, порядкомъ и красошю безконеч-но превосходитъ самыя изящныя произве-денія искусствва *)?“

„Съ Философами бываетъ шоже, что съ Ашшіевымъ пашухомъ. Какъ сей, увидѣвъ въ первый разъ плывущій корабль, почель его за нѣчто неодушевленное и безчувст-венное, но послѣ изъ нѣкошорыхъ призна-ковъ догадался, что имъ управляетъ разум-ная сила; шакъ они, бывъ нерѣдко обману-шы первымъ взглядомъ на природу, послѣ при шщашельномъ изслѣдованіи пошшоянна-

*) Цицеронъ о ешпеш. Боговъ книг. II. гл. 34.

го порядка и согласія, въ ней господствующаго, принуждены бывающъ сознашья, что въ семъ огромномъ спроеіи не только есть обшпатель, но и распорядишель и Творецъ *).“

Аѳанасій и Цицеронъ.

„При взглядѣ на вселенную, каждый долженъ представлять въ умѣ своемъ великаго распорядишеля, копорый всѣ часпи оной подчинилъ законамъ порядка и согласія. Чувственное наше око не можетъ видѣть его; но пѣмъ не менѣ онъ можетъ бытъ созерцаемъ окомъ ума. Ибо, еспли бы кто вошедъ въ проспранный городъ, населенный множествомъ людей всякаго званія, богатыхъ и бѣдныхъ, слабыхъ и сильныхъ, молодыхъ и старыхъ, замѣшилъ, что всѣ жители онаго, не смотря на различіе сослояній, возраста и пола, пребываютъ во взаимномъ согласіи, богатые не презираютъ бѣдныхъ, сильные не воспаютъ на слабыхъ, юные не выходятъ изъ повиновенія спа-

*) Цицеронъ о естеств. Боговъ книг. II. гл. 35

рымъ: то не долженъ ли онъ получить при
 семъ эту мысль, что въ семъ благоустро-
 енномъ городѣ есть правитель, пекущійся
 о благѣ гражданъ, хотя бы онъ никогда не
 видалъ его, и совсѣмъ не зналъ о немъ? —
 Подобнымъ образомъ, примѣчая, что всѣ
 члены шѣла нашего состоятъ между со-
 бою въ непрерывномъ союзѣ сподчиненно-
 сти и согласія, такъ что глазъ не проши-
 ворѣчишь уху, рука не спорить съ ногою,
 мы заключаемъ, что въ нашемъ шѣлѣ есть
 душа, которая управляетъ всѣми членами,
 хотя никто изъ насъ не видалъ оной. Есть-
 ли же такъ; то порядокъ и красота, ус-
 мащиваемыя нами въ природѣ, не должны
 ли необходимо привести каждого изъ насъ
 къ той мысли, что существуетъ великой
 распорядитель всѣхъ вещей? — Безъ сего
 распорядителя въ мірѣ не было бы міра,
 а всегдашняя брань; не было бы порядка,
 а всеобщее смѣшеніе; не было бы красоты,
 а повсемѣшвенное безобразіе; не было бы
 соразмѣрности средствъ съ цѣлями, а все-
 гда и вездѣ хаосъ *).

*) Аѳанасій.

„Естьли бы кто, взирая на огромный, богато украшенный домъ, вздумалъ ушверждать, что онъ поспроенъ не людьми, а мышами или ласпочками: шо, хопя бы шаковый человѣкъ никогда не видалъ спроишеля онаго дома, не должно ли заключишь о немъ, что онъ съ ума сощель? — Тоже должно предположишь въ шомъ, кто можеть вѣришь, что все великолѣпіе міра, все разнообразіе и изящество свѣспилъ небсныхъ, вся красота и величіе земли и моря, со всѣми видимыми и сокровенными силами природы, и со всею дѣяшельноспію оныхъ силъ, сущеспвующъ единспвенно для удовольспвія человѣка, а не для шого, что-бы служишь пресполомъ и подножіемъ для Творца *),“

Д а в и д ъ и С о к р а т ъ.

Насаждей ухо, не слышитъ ли? или создавый око, не смятрьетъ ли? Псал. 93, 9.

„Примѣшь, любезный другъ! что разсудокъ, внушрь шебя находящійся, управляетъ

*) Цицеронъ о еспес. Боговъ книг. II. гл. 6.

самовласно всемъ соспавомъ пѣлеснымъ. А посему не долженъ ли пы вѣришь, что умъ, одушевляющій міръ, управляетъ всѣми часпями онаго?—Поелику и наше зрѣніе проспираетъ на нѣсколько спадій, то безразсудно было бы не предположитъ, что око Божіе видитъ все. Поелику и наша душа можетъ въ одно и тоже время бытъ мыслію и въ Египтѣ, и въ Сициліи, и въ другихъ мѣстахъ; то нелѣпо было бы сомнѣваться въ томъ, что умъ Божественный объемлетъ все *).“ Сократъ.

Хотя размашприваніе природы во всѣ времена производило въ мыслящихъ людяхъ глубокое впечатлѣніе: впрочемъ пакъ называемое познаніе Бога изъ природы, происходитъ не извнѣ насъ, не изъ природы, а извнушрь насъ самихъ, изъ идеи Боже-

*) Таковая паралель во мнѣніяхъ великихъ мужей всѣхъ временъ совершенно оправдываетъ прекрасное изреченіе Тертулліана: О Богѣ свидѣтельствуетъ все, что составляетъ насъ, и все, чѣмъ мы окружены. Cont. Mar. lib. I. cap. 7.

ства, которая находится въ умѣ нашемъ, и составляетъ какъ бы сущность его.

Только идея о Богѣ содѣлываетъ человека дѣйствительно человекомъ. Ибо только изъ сей идеи произникаетъ въ человекѣ сознание Божества, а такое сознание и есть то, что называютъ умомъ (разсуждаемымъ не какъ чистая способность, а какъ способность въ дѣйствіи).

Вся природа не можетъ дать человеку идеи Бога. Хотя невидимое и вѣчное отражается въ видимомъ и временномъ, а по сему и становится какъ бы видимымъ; (Рим. 1, 19. 20.) впрочемъ, если бы человекъ не имѣлъ въ самомъ себѣ идеи вѣчнаго и невидимаго, то онъ никогда бы не замѣтилъ онаго въ видимомъ и временномъ. Видимое не можетъ дать человеку того, что онъ уже долженъ имѣть, дабы въ видимомъ узнать невидимое. Истина сія встрѣчалась со всѣми глубокомысленными изслѣдователями, хотя никто изъ нихъ не выразилъ оной совершенно яснымъ образомъ,—

„Цѣлая природа, говоритъ одинъ Философъ, со всемъ шѣмъ, что въ ней находится, не можетъ дать человѣку понятія о Богѣ. И хотя обыкновенно говорятъ, что понятія вещей конечныхъ служатъ для ума какъ бы лѣспвицею, по коей онъ восходитъ къ понятію безконечнаго: впрочемъ судя строго, для того, чтобы, идя по лѣспвицѣ имѣющей конецъ, взойти къ безконечному, нужно имѣть предварительное, хотя шемное понятіе о безконечномъ. Иначе въ семъ ходѣ мысленія, вопреки извѣстному положенію, нѣчто будетъ сообщать другому то, чего оно само не имѣетъ.

„Неоспоримо, что все видимое можетъ напоминать человѣку о невидимомъ, которое подъ нимъ сокрывается, и дай Богъ, чтобы такое напоминаніе не оспавалось безплоднымъ въ большей части людей. Впрочемъ и то оспается вѣчно истиннымъ, что сіе напоминаніе возможно только подъ условіемъ сущесшвованія въ человѣкѣ идеи Бога.

„Когда образъ дерева, или дома, или дру-

гой какой вещи отражается въ водѣ, то не производитъ въ ней никакого сознанія. Но когда сей же самый образъ отражается въ глазѣ плавающей по водѣ ушки, то производитъ сознаніе. Почему такъ?—Пошому, что животное имѣетъ уже внутреннюю способность къ сознанію, которая въ семъ случаѣ только приводится въ дѣйствіе и опредѣляется. Подобнымъ образомъ внѣшняя природа не сообщаетъ животнымъ понятія о безконечномъ, о безсмертіи, хотя, по видимому, сообщаетъ оныя человѣку.“ —

Если же идея Бога существуетъ въ человѣкѣ, а природа не давала да и не могла дать оной человѣку: то спрашивается: откуда взялась сія идея?—Изъ ничего она произойти не могла; ибо изъ ничего не лзя бытъ чему-нибудь. Сама себя она также не могла образоватъ; ибо въ такомъ случаѣ она существовала бы прежде своего существованія. И такъ не образовалъ ли ее человѣкъ изъ себя самого?—Но въ первыхъ, ни-когда изъ насъ не помнитъ сего образованія; въ вторыхъ, человѣкъ становится разумнымъ

только посредствомъ идеи Бога; а посему какъ возможно человѣку образовавъ то, что его самого образуешь человѣкомъ, и при томъ образовавъ прежде, нежели онъ самъ образованъ?—въ прѣшнихъ, идея Бога во всѣ времена и во всѣхъ климахахъ была и есть одна и неизмѣняема; между тѣмъ какъ всѣ произведенія ума человѣческаго носятъ на себѣ печать многообразности и непостоянства. А посему никакъ нельзя утверждать, чтобы человѣкъ идею о Богѣ образовалъ изъ себя самого.

Если же идея о Богѣ не заимствуется человѣкомъ ни изъ природы, ни изъ себя самого: то не остается ничего болѣе, какъ принять то, что идея о Богѣ первоначально происходитъ отъ Бога, что она есть лучъ незаходимаго солнца истины, и что слѣдовательно существуетъ всеобщее Божественное откровеніе.—

А посему нѣтъ естественной Религіи, въ строгомъ смыслѣ сего слова. Ибо цѣлая природа не можетъ сообщить человѣку идеи

о Богѣ; а безъ идеи о Богѣ невозможна Религія.—

А посему нѣтъ и Религіи разума, въ шѣсномъ смыслѣ сего слова. Ибо, хошя разумъ имѣеть идею Бога, но онъ не образоваль и не могъ образовашь оной изъ себя самаго. А пошому онъ не можеть бытъ испочникомъ Религіи. Религія разума безъ Божеспвеннаго опкровенія сполькоже невозможна, сколько невозможно разуму безъ идеи Божеспва бытъ разумомъ.—

Вмѣспѣ съ симъ спановишся яснымъ и шю, почему познаніе Бога, заимспвуемое изъ природы, находишся въ совершенной зависимости опъ совѣспи. Ибо совѣспѣ, подобно идеѣ о Богѣ, есть не чшо иное, какъ лучъ Божеспва, съ шѣмъ преимущеспвомъ предъ сею идеею; чшо быпіемъ совѣспи нешолько предполагаешся Божеспвенное опкровеніе вообще, но и чашпное нравспвенное опкровеніе въ чловѣкѣ. Припомъ совѣспѣ есть не шолько сознаніе Божеспва, подобно разуму, но и сознаніе божеспвен-

наго закона, или сознаніе Бога, яко законодашеля. —

6. Изслѣдованіе познанія о Богѣ, до коего умъ образованный доходишь посредствомъ искусственныхъ умозаключеній.

Плодомъ предъидущаго изслѣдованія нашего были слѣдующія истины:

1. Цѣлая природа не можетъ сообщить человѣку идеи о Богѣ.

2. Идея о Богѣ находится въ умѣ человѣческомъ; но умъ не произвелъ и не могъ произвести оной изъ самаго себя.

3. Человѣкъ получилъ сію идею изъ всеобщаго Божественнаго опкровенія.

4. А посему нѣтъ и не можетъ быть Религіи естественной, или Религіи разума, въ собственномъ смыслѣ сихъ словъ; ибо пою и другою предполагается, что идея о Богѣ заимствована человѣкомъ не изъ Божественнаго опкровенія, а изъ природы, или изъ ума.

Сіи испины должны сопровождать насъ чрезъ всѣ эпохи философскихъ умозрѣній о Богѣ, ешлы только мы, вступая въ область ошвлеченія, не желаемъ пошерять изъ виду божественнаго свѣта испины и заблудиться въ непроницаемой тмѣ. —

1. Съ Лейбницемъ, Вольфомъ и Шпалеромъ ошкрылась школа Догматизма. Сіи умы упошребили всѣ усилія, чшобы доказать бышіе Существа всесовершеннаго математическимъ образомъ. Проспосердечные судишели были обрадованы ихъ усиліями, думая узнать посредствомъ ихъ шо, чему они прежде только вѣрили. Понятія сверхчувственныхъ предметовъ были спрого изслѣдованы и опредѣлены съ возможною шочностію. Не смотря на шо, чшо въ сихъ покушеніяхъ весьма ясно обнаруживалась безразсудная самонадѣянность Меташфизики, возмечтавшей доказать совершенно шо, чшо превышаетъ всѣхъ доказательствъ; предметы меташфизическіе пользовались еще полнымъ уваженіемъ умовъ мыслящихъ. —

2. Недолго продолжалась спрасъ все доказывашъ. Явилась Философія, полагавшая всю славу въ разрушеніи шого, что было доказано или доказываемо. Нравспвенность введена во свяшое святыхъ; а Религія изгнана въ преддверіе. Вскорѣ попомъ ученіе о Религіи совершенно замѣнено ученіемъ о нравспвенности.

3. Но и сіе жалкое соспояніе умовъ не могло бытъ продолжипельнымъ. Врожденное спремленіе къ Религіи примѣпно пробуждалось; умъ снова почувспвовалъ влеченіе къ раскрытію идеи безусловнаго Существа, споль несправедливо униженной духомъ Крипицизма и школьнаго нравоученія; люди съ геніемъ почли обязанностію возвращипъ идеямъ ума шо уваженіе, копорымъ онѣ донынѣ пользовались.

4. При шаковомъ положеніи умовъ, ясно опкрылось, что еспли Философія, обѣщавшая все доказать очевиднымъ образомъ; не могла сдержашъ во многихъ опношеніяхъ своего слова, шо духъ Крипицизма съ его бѣднымъ пособіемъ *предполагаемаго*

Божества, свободы и безсмертія совершенно не способенъ доставить успокоенія сердцу, жаждущему свѣта, любви и жизни.

5. Теперь всѣ мыслящіе видятъ, что Божество будучи высочайшимъ предметомъ познанія, не можетъ быть выводимо, ни изъ чего либо высшаго, котораго, въ отношеніи къ Нему, нѣтъ и быть не можетъ, ни изъ чего либо низшаго, которое есть токмо слабое отраженіе высочайшаго; — и что оно для каждого, здраваго и невозмущеннаго спрашями ума должно быть очевиднымъ само по себѣ.

6. Всѣ согласны въ томъ, что умозрѣнія не могутъ сообщить сердцу ощущенія Божества, и что для того, дабы сіи умозрѣнія сдѣлашь возможными по ихъ началу, правильными по ходу, плодотворными по слѣдствіямъ, надлежитъ начинать и оканчивать изслѣдованія о Божествѣ ощущеніемъ онаго въ сердцахъ. —

7. А по сему при настоящемъ состояніи Философіи, всѣ обязанности наши сли-

ваются въ одну обязанность предохранить нашихъ чипашелей отъ крайностей, которыя столь же опасны въ умозрѣніи о Богѣ, какъ и въ умозрѣніи о другихъ предметахъ. —

Для доспигенія сей цѣли не бесполезно будешь пославить, шакъ сказать, два пограничные знака на предѣлахъ умозрѣнія.

Первый пограничный знакъ — со спороны обласпи шьмы — безбожія.

Никакое утонченное остроуміе не можетъ изобрѣсти основательнаго доказательства противъ бытія Божія.

Ибо никакой ограниченный умъ не можетъ измѣрить неизмѣримое, опредѣлить безпредѣльное. Но есмьли Богъ существуетъ; то первѣйшимъ условіемъ Его бытія есть безпредѣльность. —

Человѣкъ можетъ сославлять въ воображеніи своемъ безчисленное множество образовъ, но онъ никакъ не можетъ вообра-

зистъ Бога. Для того, чшобы обнятъ своимъ воображеніемъ Бога, надлежитъ самому быть Богомъ.

Если Богъ существуетъ, то Онъ есть источникъ всякаго бытія, всякаго познанія, всякаго совершенства; если Онъ есть источникъ всякаго бытія, познанія и совершенства, то Онъ не можетъ быть постигнутъ ограниченнымъ умомъ; если умъ ограниченный не можетъ постигнуть Его, то тѣмъ менѣе можетъ онъ придумать что-либо основательное противъ истины бытія Божія.

А по сему всѣ соображенія, всѣ доказательства, какія можетъ сдѣлать самый острый умъ противъ бытія Божія, имѣютъ силу только слѣдующей мысли: „въ безпредѣльномъ нѣтъ точки, на которой мой ограниченный умъ могъ бы утвердить свой циркулъ; а по сему для меня невозможно измѣрить его.“

Тотъ, кто изъ сей мысли вздумалъ бы вывести что-либо противъ истины бы-

тія Божія, былъ бы совершенно подобенъ тому мальчику, копорый споя на берегу моря, вздумалъ вычерпашъ оный кувшиномъ; но увидѣвъ невозможность своего предпріятія, закричалъ: *моря совсѣмъ нѣтъ; инаге я вытерпалъ бы его моимъ кувшиномъ.*

Второй пограничный знакъ со стороны области ложнаго свѣша — все-изъясняющаго
Догматизма. —

Никакой теловѣтскій умъ не можетъ объять созерцаніемъ своимъ существа Божественнаго; а по сему не можетъ измыслить такого начала Богопознанія, коимъ бы разрѣшались всѣ вопросы, уничтожились всѣ сомнѣнія, раждающіяся изъ непостижимости Божескаго естества.

Ограниченный разумъ не можетъ измѣрить неизмѣримое, опредѣлить безпредѣльное. При свѣшѣ сей истины ясно открывается не только слѣпоша и буйство агностизма, но и безразсудность неумѣреннаго Догматизма. Ибо естли бы умъ могъ найшп такое начало Богопознанія, коимъ бы объ-

яснялось все, касающееся Боговѣденія: то-
 это значило бы, что безконечное можетъ
 быть обнято конечнымъ, неизмѣримое из-
 мѣрено тѣмъ, что само подлежащъ измѣ-
 ренію, сверхъ-естественное — постигнуто
 естественнымъ, источникъ всякаго бытія
 и познанія — поглощенъ выходящими изъ
 него ручьями. Святилище Божества окру-
 жаесть числѣйшій свѣтъ: но сей свѣтъ со-
 ставляетъ вмѣстѣ и непроницаемый мракъ.
 Числѣйшіе духи не могутъ снести сіянія
 сего неприсупнаго свѣта, а потому за-
 крываютъ лица свои. Для того, чтобы про-
 никнуть вѣчную ночь, образующуюся изъ
 сего свѣта, надлежитъ имѣть столько свѣ-
 та, сколько находишься онаго въ Богѣ, на-
 длежитъ быть Богомъ. —

Прочность посланныхъ нами *знаковъ*
 запечатлѣна свидѣтельствомъ всѣхъ вѣковъ.
 Божество во всѣ времена изливало столь-
 ко свѣта во всѣ сотворенные умы, что
 не было ни одного разумнаго человѣка, ко-
 торый бы дерзнулъ сказать: *нѣтъ Бога*.
 Съ другой стороны Божество во всѣ вре-
 мена являлось окруженнымъ такимъ непро-

нищаемымъ мракомъ, что ни одинъ разумный
человѣкъ не могъ сказать: *для меня уже
не существуетъ сей мракъ; я все позналъ
въ Богѣ. —*

А по сему попу, кто соглашается вѣ-
рить только въ такого Бога, котораго онъ
можетъ совершенно постигнуть: попу
симъ самымъ ясно показываетъ, что онъ
не хочетъ вѣрить въ Бога, а только въ
свое познаніе, въ свое я.

На каждомъ изъ поставленныхъ нами зна-
ковъ должно начертать слѣдующія два сло-
ва: *одно изъ двухъ.*

1. *Одно изъ двухъ.*

Еслили самыя глубокія изслѣдованія, са-
мыя выпреннія умозрѣнія недостаточны
къ тому, чтобы разсѣять мракъ, окружа-
ющій Божество; съ другой стороны, если-
ли никакой упонченный умъ при всѣхъ уси-
ліяхъ не можетъ изобрѣсти основательна-
го доказательства противъ бытія Божія:

то для человѣка мыслящаго оспается *одно изъ двухъ*.

Или благоговѣя предъ непроницаемымъ мракомъ, въ коемъ обитаетъ Божество, положишь конецъ всѣмъ безразсуднымъ покушеніямъ проникнуть въ сей мракъ: или, предаваясь желанію постигнуть непостижимое, строишь предположеніе за предположеніемъ, теорію за теоріей. Въ первомъ случаѣ онъ, послѣдуя общему смыслу рода человѣческаго, будетъ признавать бытіе Божіе за неоспоримую истину и вмѣстѣ безплодныхъ усилій измѣришь глубины Божества будетъ шеряшься въ оныхъ благоговѣйнымъ созерцаніемъ, и въ сей потерѣ находишь величайшее приобрѣтеніе — миръ и радость душевную. Въ послѣднемъ случаѣ онъ долженъ всегда въ своихъ умозрѣніяхъ поступать далѣе и далѣе, и между тѣмъ всегда находишься на одномъ мѣстѣ; никогда не имѣешь права прервать нишь своихъ размысленій, и никогда не вкусишь удовольствія окончивъ оную; и послѣ безчисленныхъ усилій, опытовъ, трудовъ, оспаться

въ мучительной нерѣшимости, съ равною свободою вѣришь и не вѣришь.

Между сими двумя крайностями нѣтъ и не можетъ быть ничего средняго. Тотъ, кто не соглашается принимать непостижимыхъ истинъ, доколѣ не постигнетъ оныхъ совершенно, никогда не успѣетъ постигнуть оныхъ; никакіе опыты изслѣдованія не удовлетворяютъ его любопытству; а посему онъ никогда не будетъ въ состояніи принять сихъ истинъ; онъ долженъ навсегда оставаться жертвою сомнѣній. Чѣмъ сдѣлаешь себя способнымъ къ принятію оныхъ, надлежитъ въ такомъ случаѣ рѣшительно отказаться отъ своихъ мечтаній и съ благоговѣніемъ успокоиться на томъ, что можешь быть познано.

Изяснишь значить сдѣлаешь яснымъ. Сдѣлаешь яснымъ можешь только свѣтъ. Гдѣ свѣтъ меркнетъ и наступаетъ ночь, тамъ усиленіе изясняешь есть пустой трудъ. Кто спудился надъ тѣмъ, чѣмъ разсвѣтъ мракъ вѣчной ночи, въ очахъ того въ послѣдствіи

должно пошемпнѣшь и то, что прежде было свѣшлымъ.—

2. Одно изъ двухъ.

Естьли же желаніе постигнуть непостижимое, изъяснить неизъяснимое есть признакъ слабого ума, то для мыслящаго чловѣка опять оспается *одно изъ двухъ*:

Или, предавшись безконечнымъ разысканіямъ, подвергнуться неизбѣжному нареканію въ безразсудной мечшательности: или, назначивъ должный предѣлъ изслѣдованіямъ, съ благоговѣніемъ повергнуться предъ мракомъ, въ коемъ являеся чловѣку Божество.—

Естьли внутреннее состояніе чловѣка въ семъ случаѣ можетъ быть изображено чувствственнымъ образомъ: то мнѣ кажется, что *мудрость* въ душѣ его должна пакъ говорить *наукѣ*: Любезная, подруга, ты или можешь обнять созерцаніемъ всю полноту Божества, или не можешь.

„Естьли можешь: то ты должна въ семь случаѣ или Божество заключишь въ предѣлы человѣчества; или человѣчество (швое ограниченное я) возвести на степень Божества. Но если ты Божество заключишь въ предѣлы человѣчества; то существо, которое ты думаешь обнять умозрѣніемъ, не будетъ Божествомъ. А если ты собственное человѣчество возведешь на степень Божества; то швое созерцаніе, коимъ ты полагаешь обнять Божество, не будетъ созерцаніемъ человѣческимъ.—

„Если же ты признаешься, что не можешь обнять полноты Божества: то ты должна или для того, что удобопостижимо въ Божествѣ, принимаешь и то, что въ немъ непостижимо; или по причинѣ непостижимости его отвергать и то, что въ немъ удобопостижимо.“

3. Таковая бесѣда мудрости съ наукою должна возбудить въ насъ вниманіе къ слѣдующей истинѣ, которую для каждого человека по отношенію къ просвѣщенію и жизни всего нужно знать:

„Мудрость обихаетъ въ срединѣ—между обласію пьмы—безбожія, и обласію ложнаго свѣта—все-изъясняющаго Догматизма; она обихаетъ

а) *въ основательномъ признаніи* Божества тамъ, гдѣ оно благоволило являть себя видимо;

б) *въ постоянной вѣрѣ* въ Божество тамъ, гдѣ ему угодно сокрывать себя во мракѣ;

с) *въ благоговѣнномъ и святомъ поклоненіи* Божеству тогда, когда оно объявляетъ себя непостижимымъ.“

9. Если бы кто послѣ сего размышленія нашелъ нужнымъ предложить вопросъ (который для внимательнаго человека уже не можетъ быть вопросомъ): *можно ли доказать бытіе Божіе?* то таковой долженъ знать, что если предложенный вопросъ имѣетъ ту силу, можно ли найти такое начало Богопознанія, коимъ бы разрѣшалось все, соприкосновенное къ сему предмету;

по на него уже данъ отвѣтъ въ предыдущемъ размышленіи. Ибо найпти такое начало значило бы объять созерцаніемъ всю полноту Божества, а объять созерцаніемъ всю полноту Божества значило бы или божественное заключить въ предѣлы телескаго, или человѣческое возвысить на степень божественнаго,—и слѣдовательно въ томъ и другомъ случаѣ уничтожить божественное.

Если же въ предложенномъ вопросѣ сокрывается та мысль, можетъ ли человѣскій умъ представить такое доказательство бытія Божія, при свѣтѣ котораго можно бы было ясно видѣть съ одной стороны ничтожность доказательствъ противъ бытія Божія, съ другой благоразуміе тѣхъ людей, которые, оставивъ всѣ пустыя умозрѣнія, воздаютъ Божеству поклоненіе, Ему подобающее: то и въ семъ случаѣ отвѣтъ на сей вопросъ такъ же сокрывается въ предыдущемъ нашемъ размышленіи. Впрочемъ не излишне будетъ повторить, что *разумствующій* (разматриваемый не какъ дѣйствующее сознание Божества, ни какъ

способность сознaвать божественное, но какъ способность изслѣдовать истину) въ собственномъ существѣ и во всей высшей части природы можетъ найти твердое доказательство на то, что онъ долженъ допустить бытіе Существа безпредѣльнаго, безъ коего всѣ вещи и онъ самъ для себя есть неразрѣшенная загадка.

10. Въ самомъ дѣлѣ разумъ можетъ и долженъ въ самомъ себѣ найти побужденіе, допуская бытіе Существа непоспигаемаго. Сіе побужденіе сокрывается въ самомъ основаніи его существа. Какъ разумъ, онъ способенъ понимать истину, но какъ разумъ человѣческій, онъ долженъ помнить, что его понятіе заключено въ предѣлахъ, изъ коихъ для него не возможно выйти. —

Таковая способность и неспособность разума, способность постигать ограниченные предметы и неспособность постигнуть Божество, весьма хорошо изображена однимъ Философомъ въ его письмѣ къ другому, и часпю въ одномъ изъ его разсужденій. Въ первомъ онъ разсуждаетъ болѣе о неспособности, въ пос-

лѣднемъ болѣе о способности чловѣческаго разума.—

Отрывокъ изъ письма къ Философу.

Основаніе разума состоить въ разумѣніи. Чистый разумъ есть такое разумѣніе, которое разумѣеть только само себя,

Подъ истиною я разумѣю нѣчто такое, что существуетъ прежде познанія и кромѣ его;—нѣчто такое, что познанію разума и способности познанія даетъ достоинство.

Понятіемъ предполагается понимаемое, разумомъ—истина. А посему онъ есть не что иное, какъ способность предполагать истину. Разумъ, не предполагающій истины, есть химера.

Гдѣ нѣтъ указанія на истину, тамъ нѣтъ и разума. Въ семъ-то указаніи на истину, въ семъ-то невольномъ стремленіи, предполагаешь бытіе ея, состоить сущность разума. Онъ никогда не преслѣдуетъ стремиться къ тому, что скрывается подъ

видимыми явленіями природы; въ немъ никогда не умолкаетъ желаніе познать шобычное начало, кошорое даетъ себя видѣть и ощущать въ сихъ явленіяхъ. Онъ по необходимости допускаетъ сіе начало; ибо безъ него всѣ явленія были бы не что иное, какъ привидѣніе, какъ явленіе ничтожества. —

Разумъ истинному бытію вещей, къ познанію коего, какъ къ своей послѣдней цѣли, онъ непрестанно спремился, по необходимости прошивуполагаетъ бытіе сихъ вещей въ своемъ воображеніи. Нельзя сказать, что бы таковая прошивуположность могла существовать между одними и тѣми же понятіями, составляемыми воображеніемъ, и что бы внѣ воображенія не было дѣйствительнаго бытія вещей. Нѣтъ! разумъ внутренне убѣжденъ, что истинное бытіе вещей также отлично отъ ихъ бытія въ воображеніи, какъ отличенъ сонъ отъ бдѣнія, и также прошивуположны одно другому, какъ бдѣніе прошивуположно соннымъ мечшамъ. А посему съ утвержденіемъ или оприцаніемъ различія и про-

живуположности сна и бдѣнія, бытія вещей въ природѣ и въ воображеніи, утверждается или отрицается и существенность разума.

Когда въ душѣ человѣка прерывается связь между идеальнымъ міромъ воображенія и существеннымъ бытіемъ вещей въ природѣ, что бываетъ въ состояніи сна, въ извѣстныхъ болѣзняхъ: по *тисый* разумъ, несмотря на то, что онъ necessarily пребываетъ въ человѣкѣ, не можетъ воспрепятствовать ему создавать самые нелѣпые образы, принимая за истину самыя несбыточные вещи. Теряя чувство, и содѣлываясь неспособнымъ *понимать* истину, находящуюся въ природѣ, человѣкъ въ то же время теряетъ разумъ: ибо ограниченный человѣческій разумъ есть не что иное, какъ внутренняя или внѣшняя, посредственная или непосредственная способность *понимать* истину; хотя сія способность въ человѣкѣ, какъ разумное пониманіе или приниманіе, соединена съ сознаниемъ, съ соображеніемъ, съ свободою.—

Необходимо долженъ существовать внѣ насъ такой умъ, который состоишь не въ одной способности понимать истину, но обладаетъ такою силою, что можетъ производить всѣ возможныя истины изъ себя самаго; который, существуя самоспоятельно, составляетъ самое существо истины, объемлетъ собою всю полноту свѣта, любви и жизни. Иначе нигдѣ не было бы да и не могло бы быть ни истины, ни добра; иначе основаніемъ всѣхъ вещей, всякаго познанія, было бы чистое ничто.

Сколько извѣстно для меня то, что я имѣю разумъ, и что мой разумъ не заключается въ себѣ полноты свѣта, жизни и совершенства: столько несомнѣнно и то, что есть высшее существо, есть умъ, въ коемъ обитаетъ полнота всѣхъ совершенствъ, и отъ коего мой разумъ получилъ свое бытіе. А по сему знакомъ моего бытія и моего разума должно быть не мѣстоимѣніе: *Я, но существо большее, нежели Я, лучше нежели Я,—существо совсѣмъ другое.*

Я ничто, совершенное ничто, есмьли нѣтъ *Его*. Мое сознаніе говоритъ мнѣ, что я не могу быть высочайшимъ Сущес-вомъ слѣдовательно разумъ швердитъ пономъ внушренняго ощущенія: внѣ себя есть Богъ.

И шакъ я ушверждаю, что человекъ находитъ Бога пошому, что онъ самъ себя можетъ опыскашъ шолько въ Богѣ. Подрыва-вая основаніе бытія Божія, онъ въ шожее время по необходимости подрываетъ основаніе собственнаго бытія. Бытіе наше совершенно *терается*, какъ скоро мы шеря-емъ изъ виду Бога, источника всякаго бытія. Тогда все внутрь и внѣ насъ разрѣ-шается въ ничто. А по сему человекъ ос-тается на выборъ одно изъ двухъ: или *Богѣ*, или *ништожество*. Избирая ничтожество онъ симъ самымъ производитъ себя въ Бо-га; шо есть, дѣлаетъ Богомъ привидѣніе; ибо, есмьли нѣтъ Бога, шо человекъ и всѣ вещи суть пустое привидѣніе.

Снова повшорю: или существуетъ внѣ меня самобытное, всесовершенное Сущес-

во, или я самъ: *Богъ*. Сіи крайности не допускають никакой середины. Если я не обрѣшаю Бога, и припомъ въ шакомъ видѣ, въ какомъ я долженъ предсавлять Его, то есть, Сущесвомъ, имѣющимъ дѣйствительное бытіе внѣ меня, содержащимъ въ себѣ основаніе всякаго бытія: то, по силѣ моей личности, я самъ для себя Альфа и Омега; первѣйшимъ и высочайшимъ закономъ должно быть для меня слѣдующее положеніе: *нѣтъ другаго Бога, кромя моей личности.*

Самое истинное пополику можетъ быть истиннымъ, поколику есть Богъ, и поколику сей Богъ есть существо, совершенно отличное отъ природы, есть Творецъ и самовластный распорядитель всѣхъ вещей, есть преисполненный любви Отецъ, всегда и вездѣ пекущійся о благѣ своихъ чадъ. Еслии понятіе о семъ Богѣ есть не чпо иное въ душѣ человѣка, какъ умственная радуга, образующаяся изъ преломленія и отраженія лучей умственныхъ въ облакахъ

сердечныхъ желаній; естли оно не болѣе значить, какъ Психологическое явленіе, котораго начала и слѣдствія заключающіяся въ одномъ извѣстномъ наспроеніи души: то и всѣ прочія поняшія въ умѣ человѣка, вся система его познанія должны быть объясняемы по примѣненію къ сей теоріи умственной радуги; все, что ни происходитъ въ душѣ, должно быть почитено за Психологическое явленіе, или лучше, за привидѣніе, и основаніемъ всѣхъ сихъ явленій будетъ чистое *ничто*.

Точно ничто! Естли нѣтъ творца, то нѣтъ и твари. Бытіе того и другой связано въ умѣ нашемъ неразрывно. Естли слово *Богъ* не имѣетъ значенія дѣйствительнаго; то слова: природа, душа, умъ суть слова самыя пустыя. Ибо существо души состоитъ въ томъ, что она понимаетъ истину, понимаетъ Бога, источника всѣхъ истинъ, понимаетъ его внѣ и внутри себя. Равнымъ образомъ сущность разума состоитъ въ томъ, что для него бытіе Божіе гораздо очевиднѣе бытія самаго себя. Гдѣ исчезаетъ сія очевидность, тамъ нѣтъ

истиннаго разума. Ибо можно ли назвать разумомъ ту силу души, копорая способна производить однѣ прошиворѣчія, однѣ нелѣпости?— Но разумъ, безъ сознанія бышя Божія, почно таковъ: онъ исполненъ прошиворѣчій самыхъ осязаемыхъ, подверженъ крайностямъ самымъ несовмѣстимымъ; онъ есть тогда умъ безумный, понимающее небытіе, незнаніе знающее.

Преимущество чловѣка, по словамъ Мудреца Спатагирскаго, состоитъ въ томъ, что онъ можетъ представлять нѣчто высшее и лучшее, нежели онъ. Себя самаго находитъ онъ существомъ, совершенно зависимымъ, имѣющимъ начало, не имѣющимъ собственнаго свѣта: но въ тоже время опкрываетъ онъ въ себѣ непреодолимое побужденіе углубляясь въ источникъ своего бышя, познавать въ немъ самаго себя, изъ него, чрезъ него и въ немъ почерпать знаніе истины. Таковое побужденіе, служащее опличительнымъ признакомъ его личности, онъ называетъ разумомъ.

Въ семь побужденій, коимъ одарено каж-

дое разумное существо, сокрывается источникъ свѣща и силы сего существа. Только при семъ свѣшѣ оно можетъ видѣшь, только сею силою оно можетъ дѣйствовать.—

Никакое ограниченное существо не имѣетъ источника собственной жизни въ самомъ себѣ; всѣ воззваны къ бытію чуждымъ гласомъ; всѣ имѣютъ бытіе заемное; ни одно изъ нихъ не сильно продолжишь бытія своего ниже на одно мгновеніе; даже десница, кошорая извлекла ихъ изъ бездны ничтожества, должна поддерживаешь ихъ надъ сею бездною, въ кошорую онѣ естественнo спремятся.—

Человѣкъ пробуждается къ бытію подобно живошному, и при первомъ пробужденіи своемъ представляется твореніемъ, совершенно чувственнымъ. Подобно живошному въ началѣ онъ не знаетъ ничего, кромѣ своей матери. Но живошное получаетъ отъ своей матери одно молоко. Посему забывая о молокѣ, оно забываетъ и о матери. Живошное не имѣетъ сердца; а потому въ немъ нѣтъ и разума. Взоръ младенца не останавли-

баешся на однихъ сосцахъ мапернихъ. Когда слабыя уста его сосушь молоко, его небесный взоръ устремляешся къ лицу маперному. Вмѣстѣ съ молокомъ онъ всасываешъ въ себя чувство, умъ, любовь. Сначала онъ, кажепся, имѣетъ одну шокмо способносшь—плакашь; но вскорѣ на ланипахъ, покрытыхъ слезами, разцвѣщаешъ невинная улыбка; нѣмая дошолъ уста опшверзающся; онъ начинаешъ произносишь имена своихъ родителей, и переходя опъ маперняго нѣдра въ объяшя опца научаешся доспавляшь обоимъ сердечное удонольшвіе.

Лице челошѣка служишь зеркаломъ его души; ешъли оно не обезображено спрасшями, шо въ немъ видны всѣ перемѣны, происходящія въ душѣ. Природа служишь зеркаломъ для Божесшва; въ ней опражаешся все шо, чшо проишходитъ въ свяшилищѣ Божешшвеннаго совѣша. А посему кшо не видишь Бога въ природѣ, для шого природа не имѣетъ никакой физіогноміи; для шого вся совокупносшь вещей ешъ не чшо иное, какъ случайное скопленіе бездушнаго вещьшва, сочешаніе шѣней, кои опбрасывающся

не шѣлами, а сами собою, множество нулей, при коихъ нѣтъ ни одной единицы.

Весьма справедливо сказалъ одинъ. писатель, и сказалъ, кажется, споя, что вѣра въ быпіе Божіе естъ внушреннее влеченіе. Вѣришь быпію Божію споль же естесственнo для чeловѣка, какъ и ходишь на двухъ ногахъ. Вѣра сія можешь принимаешь, тo различію людей, различные виды; а въ нѣкоторыхъ людяхъ можешь бышь совершенно заглушена: но въ сущесствѣ своемъ она никогда не престаеешь бышь необходимою пошребностію нашего духа. Вѣра въ Бога сполько же естесственна чeловѣку, сколько естесственъ для него прямой видъ лица. А невѣріе шакже неестесственнo чeловѣку, какъ неестесственнo ему пресмыкаешься по землѣ, подобно живошнымъ.—

Снова повшорю, что писатель, назвавши вѣру въ быпіе Божіе внушреннымъ влеченіемъ, долженъ произнести сіи слова, споя. Мнѣ кажется, что при произнесеніи ихъ, душа его была наполнена слѣдующимъ чувствомъ. *„Прямой, обращенной къ небу видѣ*

теловѣка не можетъ быть дѣломъ слуга, нѣтъ! самъ Богъ поднялъ теловѣка отъ земли, и указалъ ему смотрѣть на небо, гдѣ обитаетъ его Творецъ.“ Въ сію минушю быпіе Бога на небесахъ долженствовало бытъ для него гораздо очевиднѣе собственнаго быпія его на землѣ.

Что служишь неопъемлемою, общею принадлежностію какого—либо класса сущесствъ; то не можетъ бытъ дѣломъ вымысла. Человѣкъ также неспособенъ вымыслишь самъ по себѣ Религію, какъ неспособенъ вымыслишь видѣніе или слухъ. Онъ также учился вѣришь быпію Божію, какъ учился видѣть и слышать. Онъ никогда бы не выучился видѣть, есѣли бы внѣ его, въ природѣ, не было очерпаній и цвѣшовъ: онъ никогда бы не выучился слышать, есѣли бы въ природѣ не было тоновъ, и есѣли бы сіи тоны не были подчинены законамъ гармоніи. Для того чтобы человѣкъ могъ чувствовашъ, мыслишь, желашъ, дѣйствовашъ, природа должна соспоашъ въ извѣспномъ степени принаровленія къ человѣку; а человѣкъ къ природѣ. Человѣкъ, разсмашриваемый внѣ

таковаго соотношенія съ природою, представляется совершенно не человекомъ. Его сознаніе, безъ отношенія ко вѣшнимъ предметамъ, образуетъ одну пустую сферу мышленія, копорую онъ никакъ не можетъ наполнить самимъ собою. Онъ не можетъ даже выйти изъ сей сферы, дабы имѣть по крайней мѣрѣ удовольствіе видѣть свое ничтожество. Такимъ образомъ человекъ весь погруженъ *въ безпредѣльноѣ*; его сознаніе есть точка, поставленная на безконечной линіи; его бытіе есть ограниченіе безпредѣльнаго бытія, копорое онъ въ себѣ ощущаетъ, но копораго не можетъ обнять.

Заклучимъ сущность сказаннаго нами въ немногихъ положеніяхъ.

1. „Человекъ побуждается вѣрить бытію Божію такимъ же внутреннимъ влеченіемъ, какимъ животное побуждается находить для себя пищу.

2. „Если бы разумное внутреннее влеченіе въ человекѣ было не что иное, какъ Психологической обманъ: то всѣ познанія

человѣка были бы *нигто*, вся природа и самъ человѣкъ—пустое *привидѣніе*. Но поелику допускаешь такую нелѣпость, значило бы уничтожить самый разумъ; то бытіе Божіе, внушаемое разумнымъ внутреннимъ влеченіемъ есть самая очевидная истина.

3. „Хотя сознаніе бытія Божія имѣешь всю возможную для разума очевидность: впрочемъ сей очевидности недоставляетъ зрительнаго познанія существа Божественнаго.

4. „Когда въ душѣ человѣка не раскрыто чувство безконечнаго, то онъ образуетъ собою только зародышъ человѣка: полнымъ же человѣкомъ онъ становится тогда, когда сознаніе Божества воспріимлетъ всю свою силу.“

Сіе удобнѣе можно понять изъ слѣдующей прищчи:

Нѣкогда разсудокъ занимался изслѣдованіемъ истины; вкусь наслаждался изящнымъ въ природѣ и искусствахъ; совѣсть судила

о нравственнoдобрoмъ въ чувствованiяхъ, намѣренiяхъ и поступкахъ.

Внезапно спалъ среди ихъ небесный духъ и сказалъ: Любезные друзья! надъ чемъ вы трудитесь? Знаете ли вы хорошо то, къ чему стремились? Разсудокъ! швое истинное есть ничто безъ истины; вкусъ! швое изящное, ничто безъ изящества; совѣсть! швое доброе ничто безъ добра. То, что вы всѣ шрое (безъ сознанiя) предполагаете и должны предполагать для шого, чтобы ваше истинное, изящное, доброе не было ничто, то самое я *разумѣю*, почему и называюсь *разумѣй*. Сколько для васъ естественнo предполагать истинное, изящное, нравственнoдоброе: столько для меня естественнo разумѣть истину, изящество, нравственное добро. Но истина, изящество, нравственное добро, мною разумѣмая, не состоятъ только въ одномъ шомъ, что составляешь для васъ истинное, изящное, нравственнoдоброе; въ прошивномъ случаѣ нѣтъ никакой истины, никакого изящества, никакой нравственной доброты.

Естьли же такъ; то есть первообразная истина, копорую ты, разсудокъ, предполагаешь своимъ истиннымъ; есть первообразное изящество, копорое ты, вкусъ, предполагаешь своимъ изящнымъ; есть первообразное нравственное добро, копорое ты, совѣсть, предполагаешь своимъ нравственно-добрымъ,—естьли только ваше истинное, изящное, нравственно-доброе не есть ничто,—естьли только вы всё прое, разсудокъ, вкусъ и совѣсть, имѣете дѣйствительное бытіе.

И такъ соединитесь со мною, вмѣстѣ со мною изслѣдывайте истину, наслаждайтесь изящнымъ, судите о нравственно-добромъ.

Впрочемъ не спрашивайте меня, какимъ образомъ я дошелъ до того, что разумѣю первообразную истину, первообразное изящество, первообразное нравственное добро. Я не могу дать вамъ на сіе другаго отвѣта, кромѣ того, что я не могу не разумѣть ихъ. Во мнѣ есть природное внушеніе открывать во всякомъ истинномъ первообразную истину, во всякомъ изящномъ — первообразное

изящество, во всякомъ нравственнo — добромъ, — первообразное нравственнoе добро.

Безъ сего внушенія, безъ сего опкровенія я самъ обращаюсь въ ничто. Для меня не составляетъ никакого труда открывать первообразную истину, первообразное изящество, первообразное нравственнoе добро. Онъ находясь во глубинѣ моего существа; я долженъ только углубляться въ самого себя.

А посему если бы кто сказалъ мнѣ: разумъ! твоя первообразная истина, твое первообразное изящество, твое первообразное нравственнoе добро, есть ничто: то это значило бы все равно, если бы онъ сказалъ: разумъ! ты ничто. Ибо дѣйствительно я не что другое, какъ способность разумѣть сію истину, сіе изящество, и сіе добро.

Сказавъ сіе, разумъ умолкъ и вмѣстѣ съ разсудкомъ, вкусомъ и совѣстію падши на землю, погрузился въ молишву

Въ продолженіи молитвы взоры молящихся просіяли небеснымъ свѣтомъ; успа ихъ начали вѣщать ошъ полношны испины, изыщесшва и нравспвеннаго добра; и одинъ изъ Серафимовъ начерпалъ на челахъ ихъ:

Человѣкъ опять получилъ бытіе!

3.

Надежнѣйшій способъ убѣдить себя въ бытіи Божіемъ.

Еспъли человѣкъ, побуждаемый разумнымъ внушреннимъ влеченіемъ, можетъ доходить до вѣры въ бытіе Божіе; по посредствомъ жизни въ Богъ онъ можетъ достигнуть совершеннаго убѣжденія въ сей высочайшей истинѣ.

Но что такое значить *жить въ Богѣ*? Жить въ Богѣ значить пакъ мыслишь, желашъ и дѣйспвовашъ, какъ бы око провидѣнія непреспанно бодрспвовало (какъ и дѣйспвишпельно бодрспвуешъ) надъ всѣми нашими мыслями, желаніями и поступками; какъ бы ошъ полношны свяшоспи Божесш-

венной непрестанно изливались (какъ и дѣйствительно изливаются) въ наше сердце силы, пошребныя къ живопу и благочесцію; какъ бы первообразная красота непрестанно отражалась (какъ и должна отражаться) во всемъ образѣ нашей жизни. Жить такимъ образомъ, на языкѣ древнихъ Философовъ, называлось жить въ Богѣ, а на языкѣ Папріарховъ, ходить предъ Богомъ. Таковая жизнь въ Богѣ, такое хожденіе предъ Богомъ, есть самый вѣрный способъ достигнуть совершеннаго убѣжденія въ бытіи Божіемъ. —

Кто живетъ въ Богѣ, пошъ умъ и сердце свое непрестанно долженъ устремлять къ истинному, доброму и изящному. Плодомъ такого устремленія бываетъ нравственное содружество съ источникѣмъ истины, добра и изящества — съ Богомъ. Содружество сіе служитъ самымъ крѣпкимъ оплотомъ противъ всѣхъ сомнѣній, касательно бытія Божія. Какъ человекъ, живущій въ низшемъ кругѣ чувственности, не можетъ сомнѣваться въ существованіи воздуха, коимъ онъ непрестанно дышетъ: такъ

для человѣка, живущаго въ высшемъ кругѣ духа, не возможно сомнѣніе о бытіи Божіемъ, которое содержишь въ себѣ начало его духовной жизни. —

Кто живетъ въ Богѣ, того воля посредствомъ упражненія въ добродѣтели поспешно спланируется чище, возвышеннѣе, могущественнѣе въ добръ, непреклоннѣе ко злу; въ сердцѣ такого человѣка образъ Божества со дня на день дѣлается свѣплѣе, выразишельнѣе, величественнѣе и поспѣжимѣе для разсудка. Усмащривая въ собственномъ существѣ таковое отраженіе совершенствъ Существа высочайшаго, человѣкъ не можетъ уже сомнѣваться, что бы не существовало дѣйствительно то, что съ такою силою въ немъ отражается.

Кто живетъ въ Богѣ, тотъ долженъ обращать вниманіе свое отъ всего преходящаго, и обращать оное къ невидимому, вѣчному. Таковое обращеніе души къ вѣчнымъ предметамъ, не только доставляетъ ему успокоеніе среди коловращенности всего видимаго, но и содѣлываетъ его болѣе и

болѣе способнымъ къ наслажденію вѣчнымъ блаженствомъ, такъ что онъ въ минувшы душевнаго восшорга предвкушаетъ сладость небесныхъ радостей. Послѣ сего можно ли ему сомнѣваться въ бытіи вѣчной жизни? а слѣдовательно въ бытіи Божіемъ? Ибо что такое есть Богъ, какъ не живущъ вѣчный, по отношенію къ разумнымъ шварямъ своимъ, копорыя въ немъ живутъ, движущся и существуящъ? —

Кто живетъ въ Богѣ, тотъ посредствомъ непрестанно умножающагося соединенія съ Богомъ, поспешенно спановишся Богоподобіе, а умножающаяся Богоподобность содѣлываетъ его часъ опъ часу способне быть причастникомъ Божескаго естества. Такимъ образомъ человекъ получаетъ вдругъ два неложныя свидѣтельства бытія Божія, одно извнутри себя, другое извнѣ. Извнутри — уподобленіе Богу, извнѣ — приобщеніе Божеству.

И такъ, кто научился познавать Бога изъ содружества съ Божествомъ, изъ наслажденія Божественнымъ, изъ уподобле-

*нія и пріобщенія Божеству; для шого бы-
шіе Божіе сполько же очевидно, сколько
необходимо; сполько же необходимо, сколь-
ко очевидно.*

*Очевидно и необходимо, какъ высочай-
шая истина, и какъ источникъ всѣхъ ис-
тинъ.*

*Очевидно и необходимо, какъ высочай-
шая свѣтлость, и какъ основаніе и начало
всякой свѣтлости.*

*Очевидно и необходимо, какъ высочай-
шее блаженство, безъ коего нѣтъ и не
можетъ быть никакого блаженства.*

*Очевидно и необходимо, какъ высочай-
шее изящество, предъ коимъ всякая красо-
та есть одна тѣнь.*

Такимъ образомъ надежнѣйшій способъ
убѣжденія себя въ бытіи Божіемъ можно
заключить въ слѣдующемъ краткомъ пра-
вилѣ: *поступай такъ, какъ ты долженъ
поступать; если Богъ дѣйствительно*

существуетъ, — и ты никогда не будешь сомнѣваться въ толи, что Богъ дѣйстви-тельно существуетъ.

Отсюда явсплываетъ, а) гдѣ сокрывается первоначальный источникъ всякаго невѣрія. Жизнь внѣ Бога, то есть жизнь безъ спра-ха Божія, приводитъ сначала къ нерѣши-тельными сомнѣніями, касательно бытія Божія. Съ продолженіемъ ея сіи сомнѣнія нечувствительно превращаются въ пагуб-ную склонность вѣрить, что Бога нѣтъ. Изъ сей склонности въ послѣдствіи обра-зуется буйное упорство утверждать, что Богъ не только не существуетъ, но и не можетъ существовать. б) въ чемъ состо-итъ дѣятельное невѣріе бытію Божію; то есть, оно состоитъ въ такомъ образѣ жи-зни, въ коемъ нѣтъ ни одной черпы, по-казывающей вѣру въ Бога. в) какое вѣр-нѣйшее средство противъ невѣрія. Что слу-житъ вѣрнѣйшимъ способомъ къ убѣжденію въ бытіи Божіемъ, то служитъ вмѣстѣ и надежнѣйшимъ оплотомъ противъ безбожія. Кто живетъ въ Богѣ, тотъ по слову Ев. Іоанна, имѣетъ доказательство истины

своея вѣры въ самомъ себѣ; для того не
нужно никакихъ внѣшнихъ, умственныхъ до-
казательствъ.
